

работорговля, как в Греции, или успешные войны, как в Риме, представляли обильные, абсолютно и относительно (по отношению к размерам рабовладельческого общества), устойчивые источники рабства, доставлявшие массы дешевой рабочей силы, там условия для развития долгового рабства складывались неблагоприятно. Сколько-нибудь значительное развитие кабального рабства, превращавшего в рабов свободное население, суживало социальную базу рабовладельческого государства, делало его внутренне и внешне неустойчивым¹.

Итак, ни характерная для античных народов особенность в отношении собственности, ни особенности их политического развития, ни ликвидация долгового рабства, ни какие-либо иные моменты производного характера не позволяют нам видеть в них причины, обуславливающие превращение рабства у античных народов в господствующий способ производства.

Наоборот, если признать, что, как указывалось выше, основным фактором, обусловившим переход рабства античных народов на высшую, античную его стадию развития, было вытеснение рабовладельческим производством самостоятельных производителей, что это вытеснение осуществлялось путем успешной конкуренции рабовладельческого производства, располагавшего источниками дешевой рабочей силы, то мы получим достаточно удовлетворительный ответ на вопрос о причинах, породивших переход к рабству античного типа.

Проф. Д. В. Кузовков

О РАСПРОСТРАНЕНИИ РИМСКИХ МОНЕТ У ДРЕВНИХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Значение находок римских монет в Восточной Европе заключается не только в массовости материала, позволяющей делать выводы на основании большого количества фактов, но прежде всего в том, что по самому своему существу монета, как орудие товарного обмена, является исключительно важным историческим источником. Неудивительно, что эти находки привлекают пристальное внимание исследователей, делающих на основании их изучения ряд важных исторических выводов.

За последние годы опубликован ряд статей, специально посвященных вопросам, связанным с находками римских монет в Восточной Европе². При этом определились некоторые расхождения во взглядах, касающиеся прежде всего вопроса о роли и значении римской монеты в древнеславянском обществе.

Изучение находок римских монет в Восточной Европе приводит к бесспорному выводу, что территориально они распределяются весьма неравномерно. Можно выделить три основных района распространения римских монет: а) территория лесостепной полосы и прежде всего — Правобережье Днепра, Вольнь, Подолия, Прикарпатье; б) Закавказье и Северный Кавказ и в) Прибалтика. Вне этих районов находки римских монет также известны, но там они встречаются очень редко. Сосредоточение находок в нескольких районах не случайно: римские монеты распространялись в пре-

¹ Не забудем, что, например, в Афинах войско вербовалось из свободного населения, которое, если бы ему угрожало долговое рабство, не могло бы быть опорой рабовладельческого государства.

² М. Ю. Б р а й ч е в с к и й, Знахідки римських монет на території УРСР, «Археологія», т. III, К., 1950, стр. 93—101; О. В. Ф е н і н, Знахідки римських монет у Прикарпатті, «Археологія», т. V, К., 1951, стр. 92—104; В. В. К р о п о т к и н, Лгады римських монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 241—281.

делах каких-то историко-культурных единств, причем закономерности в распространении римских монет в указанных трех районах, населенных различными по происхождению и уровню своего социально-экономического развития племенами, могли быть не одинаковыми и отражать конкретные условия исторического развития каждого из них.

В. В. Кропоткин, собравший значительный фактический материал о находках римских монет на территории Восточной Европы, рассматривает его, однако, недифференцированно, без учета специфики каждого конкретного района¹. Такой метод исследования оказывается явно неоправданным и приводит автора к ряду неверных выводов, о чем еще будет речь ниже.

Распространение римских монет у древних славян, т. е. в первом из указанных районов, довольно точно совпадает с территорией распространения культуры полей погребений черняховского типа, которую исследователи считают антской². Следовательно, римские монеты распространялись в антском обществе, почти не выходя за его пределы. На территории северных лесных районов Восточной Европы известны лишь очень немногочисленные находки, которые по своему количеству не могут идти ни в какое сравнение с находками в лесостепной полосе. Так, из числа 655 пунктов находок, вошедших в каталог В. В. Кропоткина, около 450 находятся в пределах современной УССР. В настоящее время представляется возможным насчитывать на территории современной УССР 1028 находок, из числа которых только 71 приходится на степные и лесные пространства.

Неоднократные находки римских монет при раскопках поселений и захоронений культуры полей погребений черняховского типа, а также наличие вкладах, наряду с римскими монетами, вещей бесспорно местного, восточнославянского происхождения убеждают, что римские монеты попадали на славянские земли в результате деятельности самих славян³. По общепризнанному в советской историографии мнению, римские монеты, находимые на славянских землях, являются следами торговли древних славян с римлянами и попали сюда в результате торговых сношений. Но торговля была не единственной причиной распространения монет, известную роль в этом процессе играли такие явления, как походы славян на Дунай, участие славянских отрядов в военной деятельности римлян и т. д.⁴ Более того, некоторые находки могут быть увязаны с совершенно определенными событиями (например, с осадой причерноморскими племенами некоторых дунайских городов в середине III в. н. э.). Однако эти причины имели второстепенное значение и были обусловлены потребностью в римских монетах у восточных славян для нужд торговли.

Наличие торговли между Римом и восточными славянами в первые века н. э. не вызывает каких-либо сомнений. Об этом, помимо многочисленных находок римских монет, свидетельствуют находки вещей римского производства — амфор, краснолаковой посуды, стекла, ювелирных изделий и т. д. Возникает вопрос, чем же велась эта торговля, какие продукты анты сбывали в империю и что получали взамен от римлян?

Как известно, основой хозяйственной жизни восточных славян на протяжении всей их истории было земледелие. Поэтому основным богатством антов, которое они могли сбывать римлянам, был хлеб, тем более что уровень развития земледелия у сла-

¹ Это, между прочим, нашло свое отражение и в манере расположения материала в каталоге находок, где территориальный признак совершенно не принят во внимание.

² Б. А. Рыбаков, Древние руссы, СА, т. XVII, М., 1953, стр. 41 сл.

³ Отсюда ясна несостоятельность гипотезы о том, что римские монеты были занесены всуду, где они встречаются ныне, самими римлянами — во время ли походов, или в результате торговых экспедиций, как это думал, например, И. Садовский. (I. S a d o w s k i, Drogi handlowe Greków i Rzymian przez porzecza Odry, Wisły, Dniepru i Niemna, Kraków, 1876).

⁴ См. например, О. В. Фенин, ук. соч., стр. 99—101 и др.

вян в первые века н. э. допускал хлебную торговлю в широких масштабах. Еще скифы-пахари, обитавшие в пределах лесостепной полосы к западу от Днепра, по сведениям Геродота, ссылали хлеб для продажи¹, что нельзя не поставить в связь с развитием у них пашенного земледелия. Около рубежа н. э. на этих землях² повсеместное распространение получает рало с железным лемехом³, что должно было еще более повысить продуктивность земледельческого производства и тем самым создать еще более благоприятные условия для развития хлебной торговли.

История торговых сношений населения Северного Причерноморья с античным миром является лучшим свидетельством того, что именно хлеб был важнейшей статьей местного экспорта. Это хорошо известно для V—IV вв. до н. э., когда огромные массы хлеба вывозились из Северного Причерноморья в Грецию. Несомненно, что римляне также вывозили из Восточной Европы в первую очередь хлеб, в котором империя более всего нуждалась и который составлял основное богатство населения этих земель⁴.

О стремлении римлян вывозить хлеб из Причерноморья свидетельствует надпись-эпитафия Плавтия Сильвана, который, по словам надписи, был п е р в ы м заместителем Мезии, понизившим цену печеного хлеба в Риме путем вывоза туда огромного количества хлеба в зерне⁵. Возможно, это практиковалось и позднее.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на поразительное совпадение в названиях и размерах римских и древнерусских мер сыпучих тел и сделал отсюда правильный вывод о том, что это совпадение может быть объяснено только наличием в первые века н. э. торговли сыпучими телами (т. е. зерном) между антами и римлянами. Увязав этот факт с находками римских монет, он сделал заключение о весьма широкой для своего времени торговле славян хлебом⁶. В настоящее время большинство советских исследователей считают, что главным предметом вывоза из славянских земель в империю был хлеб⁷.

Тем более странно, что В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт в рецензии на V т. «Археологии»⁸ решительно выступили против этой мысли, изложенной в статьях

¹ Геродот, История, IV, 17 (ВДИ, 1947, № 2, стр. 261 сл.).

² В настоящее время исследователи склонны связывать земледельческие племена Скифии с древними славянами в отличие от скифов-кочевников, принадлежавших к числу иранских племен (О. И. Тереножкин, Праця Й. В. Сталіна з питань мовознавства і деякі питання вивчення Скіфії, «Археологія», т. VI, К., 1952, стр. 3—18). Во всяком случае славянская культура полей погребений генетически связывается с земледельческой скифской культурой.

³ В. И. Довженок, Прогресс землеробства в древней Руси, Вісник АН УРСР, 1952, № 4, стр. 26—36.

⁴ Причем вовсе необязательно, чтобы этот хлеб шел непосредственно в Италию. Весьма вероятно, что он в значительной степени потреблялся в Дунайских провинциях, где расквартированные римские войска требовали большого количества продовольствия.

⁵ В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт думают, что Плавтий Сильван вывозил хлеб из Херсонеса (ВДИ, 1952, № 2, стр. 144). Для такого вывода оснований нет; известно, правда, что Сильван добился снятия осады Херсонеса скифами, но хлеб вывозил он из провинции (т. е. из Мезии), которая была гораздо обширнее Херсонеса и включала в себя, в частности, нижнее Подунавье.

⁶ Б. А. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян, ИЖ, 1943, № 11—12 стр. 73—80; он же, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 42 сл.

⁷ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 42 сл.; Б. Д. Греков, Культура Киевской Руси, М., 1944, стр. 11; В. И. Довженок, До питання про техніку орного землеробства на півдні древньої Русі, «Археологія», т. IV, К., 1950, стр. 10 сл.; он же, Археологічні матеріали до історії хліборобства у древніх східних слов'ян, «Вісник АН УРСР», 1949, № 2, стр. 57 сл.

⁸ ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.

автора и А. В. Фенина. Основным и единственным их аргументом при этом является то, что в римских источниках не содержится прямых сведений о торговле хлебом в Причерноморье. Но в письменных источниках нет сведений и о торговле славян чем-либо другим; следовательно, на таком же точно основании можно было бы отрицать вообще всякую торговлю славян с Римом, чего наши оппоненты, однако, не делают. Нам представляется также, что хлеб был не единственной статьёй вывоза из антских земель в римское время. Наряду с хлебом, очевидно, вывозились и другие товары: скот, продукты лесных промыслов (мед, воск, меха и др.), а также, вероятно, и рабы, подобно тому, как это наблюдалось у германцев¹. Следами ввоза из империи являются предметы римского производства, найденные на славянских землях: обломки амфор, служивших для перевозки вина и растительного масла, стеклянная, металлическая и (в небольшом количестве) керамическая посуда, культовые изображения и другие, очень немногочисленные изделия².

Сличение данных о находках на антских землях римских вещей и римских монет свидетельствует о несомненной диспропорции между количеством тех и других. Из этого следует вывод, что из империи к антам ввозились главным образом монеты. Этот вывод в свою очередь оспаривается В. В. Кропоткиным и Н. Я. Мерпертом, которые ссылаются на список находок римских «импортов», опубликованный К. Маевским³, опять-таки не делая никакого различия между отдельными территориями⁴.

Однако из 1399 номеров, содержащихся в книге К. Маевского, 924 (т. е., около $\frac{2}{3}$) составляют находки римских монет, многие из которых являются кладами, часто весьма значительными. Из приведенных Маевским 475 находок вещей римского производства некоторые представляются весьма сомнительными в смысле своего действительно римского происхождения (посуда типа «terra nigra», находки, обозначенные под рубрикой «varia» — орудия производства, оружие и т. д.). Из несомненно римских вещей подавляющее большинство было найдено не на антских землях, а на территории нынешней Чехословакии, Польши и других земель, где исторические условия могли быть (и были) иными.

Используя новейшие данные, можно насчитать в пределах современной УССР 83 случая находок вещей римского производства, в том числе: амфор — 35, посуды типа сигиллята — 4, стекла — 24, бронзовой посуды — 10, культовых предметов — 6, прочих — 4. Этому можно противопоставить 1028 случаев находок римских монет, в том числе 137 кладов. Если учесть количество монет, разница представится еще более явственной. Учитывая только клады, состав которых известен более или менее точно, можно насчитать около 30 тыс. монет⁵.

Итак, количество монет, попадавших в руки антов, не может идти ни в какое сравнение с количеством вещей римского производства; следовательно, как это ни покажется странным с первого взгляда, ввозили анты из империи главным образом именно монеты. Это явление представляет большой интерес и со стороны развития экономики древних славян и со стороны римской экономики.

Находки большого количества римских монет на антских землях означают, что римляне получали отсюда продуктов больше, чем вывозили сами. Нужно сказать,

¹ Ф. Энгельс, К истории древних германцев, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, ч. I, стр. 368.

² А. Т. С м і л е н к о, Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», т. VI, К., 1952, стр. 51—73.

³ К. M a j e w s k i, Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich, Wrocław, 1949.

⁴ ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.

⁵ При этом необходимо иметь в виду, что значительная часть кладов количественно не определена или определена крайне неточно. В совокупности римские монеты, найденные на антских землях, составляют сотни килограммов серебра.

что такой характер носила торговля римлян не только с восточными славянами, но вся их внешняя торговля вообще. Плиний сообщает, что только на восток ежегодно вывозили более 100 млн. сестерций (NH, XII, 18, 84). Даже если эта сумма значительно и преувеличена, само явление отражено Плинием совершенно верно: находки римских монет в восточных странах вплоть до Индии и Цейлона подтверждают его сообщение.

В связи с этим в буржуазной историографии существует гипотеза о том, что беспрерывный отлив монетного металла за пределы империи был главной причиной экономической катастрофы, потрясшей в III в. н. э. всю империю. Совершенно очевидно, что эта точка зрения глубоко ошибочна и связана с представлениями о пресловутом римском капитализме. Но так как в действительности экономика Рима базировалась на натуральной основе¹, то дезорганизация денежного обращения не могла повлечь за собою экономический кризис. Напротив, фактическая инфляция, происшедшая в Риме в III в. и нашедшая свое отражение в таких явлениях, как порча монеты, исчезновение с рынка полноценной старой монеты и т. д., была следствием тех явлений, которые вызвали кризис Римской империи в III в. н. э.

В действительности же вывоз серебра представлял для римлян не меньше выгоды, чем вывоз любых других товаров, ибо торговля римлян с «варварами», разумеется, стояла очень далеко от эквивалентности обмена². Монеты, действительная стоимость которых определялась количеством труда, затраченного на добывание серебра, составлявшего их физическое тело, вне границ империи котировались по цене, во много раз более высокой. В этом сказывалось отсутствие в ту эпоху единого мирового рынка, незнание контрагентами римлян (в том числе и антами, которые сами серебро не добывали) действительной стоимости денежного металла.

В связи с этим следует напомнить некоторые высказывания римских авторов по вопросу о ценах на товары. Ювенал писал о «правилах» купцов покупать товары так, чтобы продать их за двойную цену (Saturnae, XIV, 200—203). Плиний отмечал, что цены на ввозимые в империю товары увеличивались в сотни раз из-за расходов по перевозке, вследствие таможенных податей, а также ради обогащения купцов (NH, VI, 23, 101). Ясно, что такие продукты, как хлеб, скот и т. п., которые производились и в самом Риме, не могли реализоваться в пределах империи по цене, в сотни раз превосходящей их реальную стоимость; напротив, зерно, шедшее с северо-востока, понижало цену печеного хлеба в Риме, т. е. продавалось там по весьма низкой цене.

Это значит, что на месте, за пределами империи, такие продукты приобретались по цене во много раз ниже их действительной стоимости, или (что то же) монеты и вещи, шедшие в обмен на них, римляне сбывали по цене, в соответствующее число раз превосходящей их действительную стоимость. В этом заключалась безусловная выгода для римлян ведения торговли с отдаленными землями, ради которой римские купцы отваживались на далекие, связанные с большими опасностями торговые путешествия.

В свете сказанного становится понятным, почему сравнительно незначительное количество вещей римского производства попадало к антам. Действительно, большие барыши римским купцам сузила торговля только такими предметами, которые не производились их контрагентами и, следовательно, действительная стоимость которых не могла быть им известна. Высокое развитие ремесла в антском обществе исключало из объектов выгодной для римлян торговли большинство железных изделий, керами-

¹ К. Маркс указывает: «... в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом». (К. М а р к с, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 216).

² Это обстоятельство подчеркнул В. Ф. Г а й д у к е в и ч в рецензии на книгу К. М а е в с к о г о «Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 194).

ческую посуду, подавляющее большинство ювелирных изделий и т. д. Именно поэтому античная керамика, в большом количестве ввозимая в скифское время из греческих полисов, столь мизерно представлена в памятниках рубежа н. э.: место привозной художественной посуды заняла художественная серолощенная посуда местного производства, по качеству намного уступавшая римской, но значительно более дешевая¹.

Но особенный интерес для нас представляет вопрос о распространении римских монет на антских землях с точки зрения развития местной, антской экономики. Естественное решение вопроса о том, какое значение для антов имел ввоз римских монет, заключалось бы в признании денежной торговли антов с римлянами. Однако некоторые авторы склонны это отрицать, полагая, что римские монеты могли иметь здесь какое-то практическое значение, например, в качестве болванок металла. Подобную точку зрения, в частности, высказали В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт в упомянутой выше рецензии².

Нужно сказать, что эта точка зрения отнюдь не нова (подобные взгляды высказывал еще в конце XIX в. Д. Я. Самоквасов³) и совершенно неверна. Конечно, нельзя отрицать, что часть монет могла быть перелита в слитки и использована в качестве сырого металла для производства ювелирных изделий, как это нередко бывало и в более позднее время, в обществах с более развитой экономикой. Но против предположения, что это было единственным или даже основным способом использования римских монет у древних славян, свидетельствует ряд фактов, и прежде всего — самое количество римских монет, найденных на территории славянских земель. Широта их распространения говорит о том, что они приобретались не ремесленниками, которым серебро было необходимо в качестве сырого металла, а гораздо более широкими слоями населения. Среди десятков тысяч римских монет, найденных на антских землях, совсем не находим экземпляров со следами переработки — разрубленных, обломанных, обрезанных, оплавленных и т. п., которые могли бы служить доказательством того, что славяне смотрели на них, как на обыкновенные слитки металла. Далее, в памятниках первых веков н. э. на антских землях ни разу не были найдены слитки серебра, в которые якобы переплавлялись римские монеты, хотя такие слитки, если бы они существовали, должны были бы цениться не менее самих монет.

Вещи, изготовленные из серебра, в памятниках культуры полей погребений встречаются исключительно редко. Вопреки мнению Д. Я. Самоквасова, серебряные изделия в памятниках славянской культуры появляются в больших количествах не в первые века н. э., а главным образом в конце I тыс. н. э. В первые века н. э. легче встретить железную фибулу, чем серебряную; большинство же изделий были бронзовыми. Кроме того, те редкие серебряные изделия, которые все же известны в памятниках культуры полей погребений, в большинстве своем оказываются крайне низкопробными. Следовательно, если это серебро и переплавлялось из монет, то при этом смешивалось с другими, менее ценными металлами. В то же время огромное количество серебра высокопробного, в сотни раз превосходившее количество использованного в ювелирном производстве, оставалось не утилизированным. Отсюда ясно, что анты избегали переплавлять монеты для использования их в качестве сырого металла и, следовательно, нужны

¹ Несколько большее количество вещей римского производства, найденных на территории современной Польши, очевидно, следует объяснить более слабым развитием ремесла у носителей пшеворской культуры (у них, например, гончарное ремесло еще не выделилось в самостоятельную отрасль, о чем свидетельствует отсутствие в памятниках изготовленной на гончарном круге посуды).

² ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.

³ Д. Я. Самоквасов, История русского права, т. II, Варшава, 1884; он же, О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов, Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 31—43.

они им; были для каких-то иных целей. Наконец, если бы древние славяне действительно нуждались в большом количестве сырого серебра, то римляне вывозили бы серебро и в слитках, о чем, однако, нет ни малейших сведений.

Все это приводит к убеждению, что римские монеты попадали к древним славянам отнюдь не в качестве простых болванок металла. Если часть монет и была утилизирована как сырье, то это во всяком случае не меняет общего вывода: римские монеты использовались в антском обществе в каком-то ином качестве, и только благодаря этому стало возможным использование части их в качестве болванок сырого металла.

Можно было бы также предполагать, что римские монеты использовались древними славянами как украшения. По такое предположение исключается на основании ряда достаточно серьезных соображений. Находки демонетизированных экземпляров римских монет, превращенных в привески, известны на территории антских земель, но очень редки: найдено 17 монет с приделанными ушками, 7 монет с пробитыми в них дырками, 1 монета, утилизированная в виде геммы для перстня, и 1 браслет, изготовленный из нескольких римских монет, а всего— 35 или 36 демонетизированных монет, причем они происходят только из 13 мест находок¹. Этим 35—36 монетам противостоят более чем 30 тыс. монет, не подвергшихся демонетизации. Уже из этого ясно, что римские монеты приобретались антами не для того, чтобы быть переделанными в украшения. Против этого свидетельствует также характер находок и чисто денежный состав подавляющего большинства кладов. Если бы римские монеты служили украшениями, они встречались бы в вещевых кладах вместе с украшениями других типов² и особенно часто — в погребениях. Однако находки такого рода очень редки: в погребениях, например, римские монеты были обнаружены лишь в 21 случае, причем местоположение их в могиле относительно костяка не только не свидетельствует об их использовании в качестве украшений, но и прямо ему противоречит. Наконец, если бы антское ремесло стояло так низко, что не в состоянии было обеспечить спрос населения на предметы украшения, то римляне, по крайней мере наряду с монетами, вывозили бы и настоящие ювелирные изделия. Однако ювелирные изделия римского производства встречаются на антских землях очень редко. Конечно, часть римских монет, попавших в руки древних славян, могла быть утилизирована в виде украшений; указанные 36 демонетизированных монет, найденных на антских землях, не оставляют в этом никаких сомнений. Но такое использование римских монет антами имело совершенно незначительные масштабы.

Несостоятельность обоих предположений об утилитарном использовании славянами римских монет позволяет поставить вопрос о том, что эти монеты служили здесь средством обмена, т. е. использовались по своему прямому назначению. Наиболее ярким доказательством этого является необычайно широкое распространение римских монет на территории антских земель, повсеместность этого распространения, массовость находок. Целость и неповрежденность огромного большинства монет, находимых на антских землях (из 30 тыс. поврежденными оказались только две), является свидетельством того, что эти монеты ценились в своем первоначальном виде и, следовательно, в своем первичном значении. Об этом же свидетельствует и потеряность весьма многих экземпляров монет и чисто монетный характер кладов, включающих в свой состав иной раз по несколько тысяч монет. Неопровержимым доказательством использования антами римских монет в их прямом, монетном

¹ Здесь имеются в виду только монеты в собственном смысле слова, но не медальоны, которые использовались, в первую очередь, как своего рода медали и потому встречаются, как правило, приспособленными к подвешиванию — с припаянными ушками и даже вставленными в роскошные обрамления.

² Между прочим, Брестовский клад, в котором было найдено 13 демонетизированных монет (из общего числа 25 — более половины) имел в своем составе также и вещи. Таким образом, превращенные в подвески римские монеты, действительно, встречены в вещевом кладе.

назначении является положение монет в погребениях: монеты не раз были найдены в погребениях завернутыми в тряпочку (своего рода кошелек) и подложенными под бок скелету. Такое положение монет в погребениях было зафиксировано в Черняховском и Масловском полях погребений. Ясно, что здесь может идти речь лишь о деньгах в полном смысле этого слова. Исключительный интерес в этом же отношении представляют собою находки монет местной чеканки, определенно подражающих римским образцам. Наконец, с середины I тыс. н. э. имеется ряд свидетельств письменных источников о том, что анты знали денежную торговлю.

Таким образом, римские монеты, попадавшие к древним славянам в результате торговых сношений с римлянами, использовались ими прежде всего в качестве денежного знака, а торговля римлян со славянами носила, следовательно, денежный характер. Только так и можно объяснить широкое распространение римских монет на славянских землях.

Здесь мы подходим к центральному вопросу всей проблемы находок римских монет на древнеславянских землях — к вопросу о том, использовались ли римские монеты антами только в торговых сношениях с римлянами, или же они служили также средством обращения во внутреннем обмене, — к вопросу о наличии товарно-денежных отношений внутри самого антского общества. Этот вопрос был поставлен автором в опубликованной в 1950 г.¹ статье «Знахідки римських монет на території УРСР» и вызвал большое количество откликов. Часть исследователей (П. П. Ефименко², В. Ф. Гайдукевич³, А. В. Фенин⁴ и др.) согласились с предложенной постановкой вопроса, некоторые (А. Н. Москаленко⁵) выразили по этому поводу свое сомнение; наконец, были сделаны и решительные возражения против такой постановки вопроса⁶. В рецензии на V т. «Археологія» В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт, возражая автору и А. В. Фенину, выдвинули обвинение в «модернизации исторической жизни славянского общества первых вв. н. э.»⁷.

Такого рода обвинение представляется несостоятельным по существу и является или следствием игнорирования нашими оппонентами общих законов политической экономии и исторического материализма, или результатом недостаточного знакомства их с восточнославянской культурой этого времени.

Возникновение денежной торговли связано с возникновением товарного производства, а товарное производство существует, начиная с глубокой древности. Это неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма. Возникновение товарного производства и денежной торговли самым непосредственным образом связано со вторым крупным общественным разделением труда, т. е. отделением ремесла от сельского хозяйства. Ремесленник, специализирующийся на производстве какой-то одной категории вещей, не может существовать, не обменивая продукты своего труда, превращающиеся, таким образом, в товар, на другие необходимые ему продукты, в первую очередь — продукты сельского хозяйства. Таким образом, осуществление второго крупного общественного разделения труда неизбежно влечет за собой начало постоянного регулярного внутреннего обмена, что, конечно, еще не подрывает общего господства натурального хозяйства.

¹ «Археологія», т. III, стр. 93—101.

² П. П. Е ф и м е н к о, Итоги и задачи Института археологии АН УССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Доклады VI научной конференции Института археологии», К., 1953, стр. 17.

³ ВДИ, 1951, № 2, стр. 191 сл.

⁴ О. В. Ф е н и н, Знахідки римських монет у Прикарпатті, «Археологія», т. V, К., 1951, стр. 92—104.

⁵ ВДИ, 1951, № 3, стр. 124.

⁶ В. В. К р о п о т к и н, Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—252.

⁷ ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.

Как известно, отделение ремесла от земледелия осуществляется в эпоху перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Тогда же возникает и товарное производство, которое, как указывает И. В. Сталин, старше капитализма и существовало и при рабовладельческом строе и при феодализме¹. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, — указывает Ф. Энгельс, — возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром — деньгами, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу»². С реализацией второго крупного общественного разделения труда и выделением внутри ремесла ряда самостоятельных отраслей возникает настоятельная потребность в появлении постоянного всеобщего эквивалента, без которого обмен не может осуществляться³, в появлении денег.

Всюду, где это только удастся проследить на основании источников, начало денежной торговли и распространение металлических денег по времени совпадает с осуществлением второго крупного общественного разделения труда. Не говоря уже о классической древности, это положение отлично иллюстрируется на примере «варварских» народов Европы. Так, в кельтском обществе второе общественное разделение труда произошло примерно в 3-й четверти I тысячелетия до н. э. К этому же времени относится массовое распространение у кельтов македонских и позднегреческих монет и местная чеканка монет, подражающих последним. На одно-два столетия позже использование указанных монет распространилось на средне- и нижнедунайские земли, где отделение ремесла от земледелия фиксируется около III—II вв. до н. э. У германцев и славян отделение ремесла от сельского хозяйства приурочивается к началу нашей эры. Тогда же здесь получают широкое распространение римские монеты и появляются «варварские подражания» им, представляющие собою монеты местной чеканки. В северных, лесных районах Восточной Европы выделение ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства задержалось до конца I тысячелетия н. э. И действительно, начиная примерно с VIII—IX вв., там впервые наблюдается широкое распространение арабских монет и монет местной чеканки, подражающих арабским образцам.

Ф. Энгельс, исследуя вопросы, связанные с распространением римских монет на германских землях⁴, не допускает и тени сомнения в том, что эти монеты использовались здесь именно во внутреннем обращении, причем это явление он связывает прежде всего с развитием у германцев ремесла и обмена. Наличие внутреннего денежного обращения у древних германцев засвидетельствовано Тацитом уже в I в. н. э.⁵ А уровень развития германских племен был во всяком случае не выше уровня развития восточных славян. Скорее напротив, ибо восточнославянское ремесло начало развиваться раньше германского и в начале нашей эры достигло более высокого уровня развития.

Ко II в. н. э. у автовторое общественное разделение труда было уже осуществлено. Этот факт установлен Б. А. Рыбаковым⁶ и другими исследователями, показавшими достаточно высокое развитие восточнославянского ремесла в этот период. Доказательством осуществления отделения ремесла от сельского хозяйства у восточных славян в первых веках н. э. является, например, повсеместное распространение гончарной посуды, являющейся, как это показали советские исследователи, посудой ремеслен-

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 169.

³ См. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 95.

⁴ Ф. Энгельс, К истории древних германцев, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 364—376.

⁵ «Германия», V, в кн. «Древние германцы», М., 1937, стр. 57 сл.

⁶ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 42—46.

ного производства, предназначенной на рынок¹. При раскопках некоторых поселений культуры полей погребения обнаружены остатки ремесленных мастерских — гончарных, железообрабатывающих, ювелирных. Масштабы производства этих мастерских свидетельствуют о том, что они работали на рынок и обслуживали значительную периферию. Так, например, пропускная способность некоторых из гончарных мастерских первых веков н. э. составляла несколько сот сосудов за прием².

В связи с этим становится очевидной неосновательность сомнений В. В. Крпоткина относительно того, « что же покупало рядовое население Приднепровья на римские деньги на внутреннем рынке при незначительном развитии ремесла и еще полном господстве натурального хозяйства »³. Ответ на этот вопрос вытекает из сказанного: если в антском обществе осуществилось второе общественное разделение труда, то, следовательно, было что покупать и что продавать, внутренний обмен стал необходимым.

В. В. Крпоткин, повидимому, путает понятие натурального хозяйства с хозяйством ойкосным, домашним, исключавшим развитие торговли. На самом деле господство натурального хозяйства вовсе не исключает развития торговли и, следовательно, в какой-то мере — товарного производства. В Греции и Риме натуральное хозяйство также было господствующим, что, однако, нисколько не мешало самому широкому развитию торговли. Было господствующим оно и в средние века вплоть до эпохи капитализма; однако никто не может сомневаться в наличии в это время и внутренней торговли и внутреннего денежного обращения.

Конечно, антское общество базировалось на натуральном хозяйстве. Указывая на наличие здесь внутреннего обмена и денежной торговли, мы отнюдь не утверждаем, что товарно-денежные отношения лежали в основе антской экономики. Напротив, имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят об ограниченности внутренней торговли, которую можно считать значительной лишь относительно и только для своего времени.

Итак, возникновение внутренней денежной торговли у антов было не только возможно, но и представляло собою прямую историческую необходимость. Поэтому утверждение, что римские монеты использовались восточными славянами как средство обмена не только во внешней, но и во внутренней торговле, нельзя расценивать как модернизацию исторической жизни славян первых веков н. э. Нужно сказать, что исследование внутренней денежной торговли у антов представляет собою задачу исключительно сложную, ибо, учитывая отсутствие прямых сведений по этому поводу, приходится оперировать рядом косвенных данных, которые тем не менее представляются достаточно очевидными.

Находки римских монет в Восточной Европе отнюдь не сосредотачиваются на территории вдоль границ с римскими провинциями, где осуществлялся самый процесс торговли антов с римлянами, но встречаются на землях, достаточно удаленных от этих границ. Если бы римские монеты использовались населением Восточной Европы только в сношениях с империей, то распространяться они могли бы лишь в результате ж и в о г о о б щ е н и я этого населения с римлянами — либо в тех местах, где они обнаружены, либо на границах империи. Но такое объяснение невероятно. Следует категорически отказаться от мысли, что всюду, где мы находим римские монеты, непременно побывали когда-то римские солдаты или купцы. Если можно еще согласиться с временным пребыванием их, скажем, в Поднепровье, то где-нибудь на Черни-

¹ А. В. Арциховский, Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях, ПИДО, № 11—12, 1934, стр. 35—60; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 74; А. В. Арциховский, Рецензия на книгу Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», ВИ, 1949, № 1, стр. 129.

² Т. Рейман. Problem ceramiki siwej, na kole toczonej..., «Wiad. arch.», т. XIV, Warszawa, 1936, стр. 147—175.

³ ВДИ, 1951, № 4, стр. 250.

говщине, не говоря уже о таких районах, как Белоруссия, Ленинградская область, Верхнее и Среднее Поволжье, Приуралье и т. д., римляне, конечно, никогда не бывали. Еще труднее себе представить, что жители всех этих районов приезжали торговать в Поднепровье и Подунавье: римские монеты встречаются в местах, отделенных от империи несколькими районами, представлявшими собою замкнутые историко-культурные единства и, в конечном итоге, мало связанные друг с другом. Единственным приемлемым объяснением в таком случае было бы предположение о посредственном распространении римской монеты, в результате которого римские монеты, переходя из рук в руки, перемещались в пространстве, подчас на весьма далекие расстояния. Но тогда признание роли римской монеты в качестве средства внутренней торговли в древнеславянском обществе было бы необходимой предпосылкой.

Другим серьезным соображением, подтверждающим использование антами римских монет в качестве средства обращения во внутренней торговле, являются некоторые особенности в хронологии находок римских монет, обнаруженных на восточнославянских землях.

Если бы римские монеты, попавшие в руки антов, использовались только во внешнеторговых сношениях с римлянами и могли реализовать свою стоимость только в обменной операции с неизменным участием римлянина в качестве одного из контрагентов, то, очевидно, удерживаться в обращении они могли бы лишь до тех пор, пока существовали внешнеторговые сношения антов с Римом. Как только эти связи прекратились, все римские монеты, находившиеся в то время в руках у антов, должны были бы потерять ценность и немедленно выпасть из обращения. Между тем в действительности дело было не так. Как показывает хронология находок, торговые отношения антов с римлянами были установлены около рубежа I—II вв. н. э., к этому времени относится начало массового распространения римских монет¹. Максимальных размеров приток римских монет достигает в период правления Антонина Пия и Марка Аврелия; после М. Аврелия приток этот несколько уменьшается, а после Септимия Севера сокращается настолько резко, что в это время можно говорить о всяком прекращении тесных связей. Все это можно проиллюстрировать следующими цифрами: из числа поддающихся учету, хронологически определенных римских монет, найденных на территории современной УССР, ко времени до Нерона относятся 58 экземпляров; ко времени от Нерона до Септимия Севера (1,5 столетия) — 24 847; ко времени от Септимия Севера до Диоклетиана (1 столетие) — 151; ко времени от Диоклетиана до Феодосия Великого (1 столетие) — 157; к V в. — 190 (из них 175 — в составе одной находки)². Ясно, что серьезно можно говорить о распространении на территории современной УССР только римских монет конца I—II вв. н. э. Хронология римских вещей, найденных на территории антских земель, свидетельствует о том же: все они датируются I—III вв. н. э., за исключением трех амфор и двух стеклянных кубков, обнаруженных на Правобережье Днестра. Таким образом, время торговых сношений антов с римлянами соответствует времени господства римлян в Дакии и тем самым — наличия общей границы между антскими землями и Римской империей. В начале III в. торговые связи антов с Римом прекращаются.

Однако, как показывает ряд находок, с прекращением этих связей римский денарий II в. н. э. не потерял у антов своей ценности и продолжал обращаться еще минимум в IV—V вв. н. э. Об этом свидетельствует ряд кладов, имеющих в своем составе монеты

¹ Монеты времени до Нерона на антских землях очень редки. Монеты второй половины I в. н. э. встречаются уже гораздо чаще, но в подлинно массовом количестве они начинают встречаться лишь от времени Траяна. Закономерно предположить, что более ранние монеты попадали на антские земли также главным образом во II в. н. э.

² При этом большинство монет III—V вв. были найдены в Прикарпатье, на территории к югу от Днестра (Закарпатская, Станиславская, Дрогобыцкая, Черновицкая области).

I—II вв. и IV—V вв. н. э.¹, причем иногда на одну позднюю монету приходится несколько сот и даже тысяч монет I—II вв. н. э.² Можно указать также погребения III—IV вв. н. э., в которых были найдены римские монеты II в. н. э.: 160-е погребение из Черняхова, где были найдены 2 монеты: Фаустины Младшей и «варварское подражание» монете Гордиана III, и погребение в кургане у с. Талалаевка (Черниговщина), где найдены монеты А. Пия, М. Аврелия, Фаустины и Аврелиана. Несомненно, что монеты I—II вв. н. э. в антском обществе удерживались в обращении еще по крайней мере в IV—V вв. При этом, учитывая состав таких кладов, как Борочицкий и Пустоваровский, где на одну монету IV в. приходилось в одном случае несколько тысяч, а в другом — 386 ранних монет, можно утверждать, что в IV в. в обращении удерживалось еще очень большое количество ранних монет. Вероятно, и позже — в VI—VII вв. римский денарий сохранял свою ценность у антов, и лишь отсутствие на антских землях монет VI—VII вв. препятствует установлению этого факта на основании конкретных находок.

Итак, несмотря на прекращение в начале III в. н. э. торговых сношений антов с римлянами, монеты I—II вв. н. э. не выпали сразу из обращения, но продолжали обращаться здесь еще на протяжении нескольких столетий. Ясно, что речь может идти только о внутренней торговле.

Аналогичное явление наблюдается между прочим и в Центральной и Западной Европе. Там римские монеты удерживались в обращении до X в., о чем свидетельствует

¹ Укажем на важнейшие из этих кладов:

Борочицы (Берестечский р-н, Волынская обл.) — монеты I—II вв. н. э. и золотой медальон Иовиана (363—364 гг.).

Берегово (Береговская окр., Закарпатская обл.) — монеты времени от Домициана до Константина I (81—337 гг.).

Брестов (Мукачевская окр., Закарпатская обл.) — монеты времени от Сабинь (жены Адриана) до Валента (2-я четв. II в.— 378 г.).

Мукачево (Мукачевская окр., Закарпатская обл.) — монеты от Антонина Пия до Гонория (138—423 гг.).

Городище Пустоваровское (Володарский р-н, Киевская обл.) — монеты I—II вв. н. э. и кольцо с монетой Констанция II (337—361 гг.), вставленной вместо геммы.

Крылово (Галицкий р-н, Станиславская обл.) — монеты времени от Веспасиана до Грациана (69—383 гг.).

Заболотив (Заболотивский р-н, Станиславская обл.) — монеты времени от Фаустины Младшей (жены М. Аврелия) до Валентиниана I (3-я четв. II в.— 375 г.).

Черниев (Лысецкий р-н, Станиславская обл.) — монеты времени от Августа до Валентиниана I (27 г. до н. э.— 375 г. н. э.), а также эллинистические, еврейские и арабские.

Снятин (Снятинский р-н, Станиславская обл.) — монеты времени от М. Аврелия до Констанция II (161—361 гг.).

Куриловка (Нежинский р-н, Черниговская обл.) — монеты времени от Домициана до Проба (81—282 гг.).

Сучава (Румыния, близ границы с СССР) — монеты времени от Ю. Цезаря до Констанция II (49 г. до н. э.— 361 г. н. э.).

² Можно предположить, что часть кладов, состоящих исключительно из монет I—II вв. н. э., также могла быть фактически зарыта в III—V вв. н. э. Пример Борочицкого и Пустоваровского кладов, где поздние монеты были найдены лишь по одному экземпляру, призывает к крайней осторожности: если бы этих единственных экземпляров по частой случайности не оказалось, оба клада безусловно были бы отнесены исследователями к числу ранних кладов. В связи с этим, например, Нежинский клад, состоявший из 1312 монет времени от Нерона до Пертинакса (54—193 гг.), должен быть тем не менее датирован временем не раньше IV в., ибо в составе его была найдена фибула IV—V вв. н. э.

большое количество фактов¹, и послужили исходным материалом для возникновений некоторых вполне самостоятельных местных монетных серий (например, англосаксонских монет, вендских пфеннигов и т. д.)².

Однако, как это ни странно, вывод о длительности обращения монет I—II вв. н. э. на внеримских землях встречает возражение со стороны некоторых авторов. Так, В. В. Кропоткин в связи с этим пишет: «Во-первых, хождение полноценных денариев I — начала II в. наравне с низкопробными монетами III в. мало вероятно. Полноценные монеты, как указано выше, изымались из обращения и превращались в сокровища. Во-вторых, клады с денариями II в., закопанные в IV—V вв., содержат только случайные, единичные поздние монеты, что совершенно непонятно, если предположить их обращение вместе с ранними монетами, тогда как клады поздних монет — конца III—IV вв. не содержат более ранних монет»³.

Как бы ни казалось нашему оппоненту маловероятным хождение полноценных денариев I—II вв. в III в. и позже, однако вышеприведенные факты не оставляют в этом никаких сомнений. Очевидно, В. В. Кропоткин процесс образования сокровищ рассматривает оторванно от процесса обращения и считает, что попадание монеты в сокровище означает окончательное выпадение ее из обращения, тогда как в действительности это явление означает лишь временное выпадение монеты из обращения. Более того, К. Маркс, исследуя процесс образования сокровищ, подчеркивал в качестве важнейшей общественной функции сокровища способность служить резервуаром для излишков денежного металла, находящегося в обращении⁴. Когда количество денежного металла, обращающегося в данном обществе, превышает потребности рыночной конъюнктуры, это превышение попадает в сокровища; когда потребности рынка в денежном металле возрастают, часть металла, хранящегося в сокровищах, возвращается в обращение. Клады римских монет, как и всякие другие сокровища, находились в состоянии динамики: часть монет изымалась из них по мере потребности, часть вновь попадала туда. И если в кладах, зарытых не раньше IV в. н. э., обнаруживается огромное количество монет I—II вв. н. э., то это значит, что эти монеты в то время еще очень ценились, иначе хранение их в виде сокровища теряет смысл. И именно потому, что монеты I—II вв. в отличие от монет III в. были полноценными, они продолжали удерживаться в обращении очень долго, тогда как низкопробные монеты III в. н. э. совершенно не получили распространения у автов, вследствие чего находки их на античных землях исключительно редки.

Заметим, что римские монеты I—II вв. встречаются в более позднее время не только в кладах, но и в погребениях. Это во всяком случае свидетельствует о том, что эти монеты, по крайней мере еще в III—IV вв. н. э., служили, действительно, средством обращения, тем более что монеты, найденные в 160-м погребении Черныхова, оказались завернутыми в тряпочку и подложенными под бок покойнику:

Утверждение В. В. Кропоткина, что клады поздних монет конца III—IV вв. не содержат более ранних монет, неверно и является следствием нерасчлененного подхода к исследованию фактического материала. Из 11 кладов этого типа, названных им⁵, на территории того района массового распространения римских монет, который можно связывать с антами, были найдены только три: два в Киеве и один в Рублевке

¹ Имеются в виду клады арабских и иных средневековых монет, в которых, однако, встречались и римские монеты. Ряд таких находок приведен, например, в книге А. Маркова, Топография кладов восточных монет, СПб., 1910.

² А. В. Фенин полагает на основании Черниевского клада, что и у восточных славян римские монеты удерживались в обращении вплоть до X в., когда они были заменены арабскими и византийскими (См. «Археология», т. V, К., 1951, стр. 98). Сама по себе мысль, вполне естественная и правдоподобная, требует, однако, более серьезного обоснования, ибо одного факта, разумеется, мало.

³ ВДИ, 1951, № 4, стр. 250.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 141.

⁵ ВДИ, 1951, № 4, стр. 249.

(Полтавская обл.). Из них несомненными являются только два, ибо состав клада, найденного в Киеве на Лукьяновке, неизвестен; известно лишь, что там были монеты III в. Но при таком определении вполне допустимо, что этот клад оканчивался на монете Септимия Севера, Александра Севера, Каракаллы или где-нибудь около этого времени и состоял в основном из монет того же хронологического диапазона, что и большинство прочих наших кладов. Известный Оболенский клад состоит главным образом из медных провинциальных монет Антиохии Писидийской, чеканенных в пределах узкого хронологического отрезка, и отражает собой не историю денежной торговли восточных славян, а скорее один из эпизодов в истории их политической и военной деятельности в III—IV вв.: монеты, составлявшие этот клад, очевидно, были вывезены из Малой Азии в том же составе, в каком они попали в землю в виде клада, и были зарыты в силу каких-то исключительных обстоятельств. То же самое можно сказать и относительно Рублевского клада, содержащего византийские монеты конца IV — начала V вв. н. э., исключительно редкие на восточнославянских землях. В силу прекращения тесных торговых связей антов с римлянами в начале III в. н. э. монеты III—V вв. попадали на антские земли не столько в результате торговли, сколько вследствие политических и военных событий.

Во всяком случае, эти две находки вряд ли могут поколебать выводы, основанные на гораздо более многочисленных и несравненно более выразительных фактах. И именно то, что в кладах, зарытых окончательно в IV—V вв., встречаются только единичные экземпляры монет IV—V вв., тогда как в основном эти клады состоят из монет I—II вв., свидетельствует о том, что в это время в обращении находились главным образом монеты I—II вв. Монеты III—V вв. вообще на антских землях очень редки, и говорить всерьез об их обращении у антов, наряду с монетами I—II вв., вряд ли возможно.

О наличии внутренней денежной торговли у антов говорят так называемые «варварские подражания» римским монетам, встречающиеся наряду с настоящими римскими монетами, а иногда — и в совместных с ними находках (в погребениях и кладах). В. В. Кротошкин сомневается в том, что эти имитации римских монет, чеканенные вне пределов империи, могут служить доказательством наличия у славян денежных отношений, ибо «варварские» подражания еще очень немногочисленны, мало изучены и нельзя утверждать, что они изготовлялись в Приднепровье¹.

Действительно, данные о находках таких монет на территории Восточной Европы пока немногочисленны. Поэтому говорить об их местном происхождении можно только гипотетически, хотя, как явствует из изложенного выше относительно уровня социально-экономического развития славян, такое предположение опирается на вполне реальные данные и является не только возможным, но и необходимым. И если древние германцы могли в первые века н. э. чеканить брактеаты, подражавшие римским образцам, то непонятно, почему надо отказываться в чем-либо подобном древним славянам. Но если даже и сомневаться в местном происхождении этих монет и предполагать их проникновение с Кавказа или с Подунавья², то и в этом случае положение дела несколько не меняется. Ибо важно не только то, что славяне такие монеты чеканили, важно прежде всего то, что они такие монеты использовали, причем использовали именно в качестве денежного знака, как об этом со всей несомненностью свидетельствует находка такой монеты, завернутой в тряпочку и подложенной под бок покойнику в 160-м погребении Черняховского кладбища. А использовать эти монеты в торговых сношениях с Римом было невозможно: они неминуемо воспринимались бы римлянами в качестве подделок, за распространение которых полагались самые суровые меры наказания. Следовательно, пользоваться ими можно было только во внутренней торговле.

О том, что римские монеты использовались славянами во внутренней торговле, свидетельствует также существующая диспропорция между количеством рим-

¹ ВДИ, 1951, № 4, стр. 250.

² Подунавье было заселено в основном родственными славянам племенами, находившимися примерно на том же уровне общественного развития.

ских вещей, находимых на антских землях, и римских монет, находимых здесь же. Если бы римские монеты сохраняли свою ценность в торговых сношениях с необходимым участием римлян в качестве одного из контрагентов, то параллельно приливу римских монет на антские земли действовал бы и отлив их обратно в империю, а следами торговли славян с римлянами оседали бы вещи, служившие предметами импорта.

С середины I тысячелетия н. э. мы располагаем прямыми указаниями письменных источников о наличии товарно-денежных отношений внутри славянского общества. Так, например, согласно сообщению Прокопия, Хильбудий был куплен антом у склавина за деньги¹. В другом месте Прокопий рассказывает о том, что славяне платили деньги генидам за переправу через реку². По поводу этого сообщения Б. Т. Горянов вполне основательно писал, что оно «свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений среди славян»³. Таким образом, в середине I тысячелетия н. э. во всяком случае денежная торговля у антов существовала; в свете же всего сказанного выше вряд ли можно сомневаться в ее наличии здесь и в более древнее время — в первые века н. э.

Можно утверждать, что без использования славянами римских монет во внутренней торговле было бы невозможно использование этих монет и во внешней торговле славян с римлянами, которая в таком случае носила бы точно такой же характер натурального обмена, как и торговля земледельческого населения скифской эпохи с греками. В связи с этим нельзя не отметить поразительного совпадения в хронологии отделения ремесла от сельского хозяйства у восточных славян и распространения на антских землях римских монет (и то и другое приходится примерно на I—II вв. н. э.), а также — территории распространения римских монет с той территорией, на которой в начале н. э. существовало выделившееся ремесло.

В более древнее время ничего подобного мы не находим. В середине и второй половине I тысячелетия до н. э., когда население лесостепной полосы Восточной Европы поддерживало теснейшие торговые и культурные связи с греческими причерноморскими городами, чеканившими даже собственную монету, греческие монеты совершенно не попадали на север — в пределы лесостепной полосы⁴. Таким образом, торговля земледельческого населения лесостепи скифской эпохи с греками носила характер обычного натурального обмена. Объяснять это следует именно тем, что в это время ремесло здесь еще не отделилось от сельского хозяйства и, следовательно, не было условий для возникновения внутренней торговли и внутреннего денежного обращения. И напротив, когда в начале нашей эры ремесло отделилось от сельского хозяйства и были установлены более или менее тесные торговые связи антов с римлянами, эта торговля немедленно приняла характер денежной, ибо в то время в антском обществе уже существовали предпосылки для возникновения внутренней денежной торговли.

Вероятно, с началом общественного разделения труда у антов первоначально появились натуральные деньги. Некоторые данные заставляют думать, что вначале роль денег здесь (как и у многих других народов) играл скот⁵. Но скот в качестве денег обладает целым рядом недостатков, которые абсолютно исключены у металлических денег. Естественно поэтому, что как только были установлены тесные экономические связи антов с римлянами, применявшими серебряную монету, серебро очень скоро заняло у антов место скота в роли всеобщего эквивалента, вытеснив его совершенно из сферы обращения, как средство обмена.

¹ Прокопий, О войнах с готами, III, 13 (ВДИ, 1941, № 1, стр. 236).

² Там же, IV, 25 (ВДИ, 1941, № 1, стр. 243).

³ Б. Т. Горянов, Славянские поселения VI в. и их общественный строй, ВДИ, 1939, № 1, стр. 316.

⁴ Здесь до сего времени найдены буквально единицы греческих монет, да и то часть из них была утилизирована (например, находка в Рыжановском кургане).

⁵ Именно этим, очевидно, следует объяснять наличие в древнерусском языке таких слов, как «скотница» (казна) и т. п. Древнеславянский бог богатства — Велес (Волос) был в то же время и покровителем скота.

Лишь в свете того, что римские монеты действительно использовались в качестве средства обращения во внутренней торговле восточных славян, становятся понятными и многие другие явления в истории антов. Так, например, становится ясным, почему анты во время походов против дунайских провинций уносили с собою в виде военной добычи между прочим и римские монеты; почему они столь охотно брали контрибуции деньгами, о чем не раз сообщают источники середины I тысячелетия н. э. и т. д. Ибо, очевидно, что если бы монеты не использовались славянами у себя на родине в прямом своем значении, анты избегали бы заносить их туда, так как они не имели бы там среди широких слоев населения никакой ценности.

Совершенно иное освещение в связи с этим должны получить и клады римских монет, представляющие собою, как отмечалось выше, сокровища — древнейшие в Восточной Европе. Об этом свидетельствует между прочим их состав (отсутствие в них утвари, орудий производства, предметов повседневного употребления, а также вещей, плохо сохраняющихся в земле — например, медных монет¹).

Появление сокровищ было связано с социально-экономическим развитием антского общества, с развитием имущественных отношений. Клады римских монет представляли собою прибавочный продукт, не потребляемый непосредственно и не вкладываемый в расширенное воспроизводство, но превращенный в деньги и сохраняемый, как выражение богатства. Возможность этого была обусловлена господством у антов индивидуального землепользования², при котором весь продукт, в том числе и то превышение производимого продукта над непосредственно потребляемым, которое было возможно при тогдашнем уровне развития производительных сил, составляло частную собственность лиц, в чьем пользовании находились участки пахотной земли, и могло служить источником личного обогащения. Поэтому клады римских монет являются прекрасным свидетельством имущественного неравенства, существовавшего в восточнославянском обществе первых веков н. э.

К. Маркс подчеркивает, что явление накопления сокровищ характерно именно для наиболее ранних ступеней развития товарного производства³. Естественным методом хранения в то время было закапывание в землю.

Итак, находки римских монет на древнеславянских землях являются важнейшим источником для истории славянских племен. Широкое распространение римских монет, обращавшихся здесь в качестве денежного знака, приобретает особое значение для оценки общего уровня социально-экономического развития древнеславянского общества. Возникновение денежного обращения у древних славян было одним из тех крупных событий исторического развития, которые знаменовали конец первобытно-общинной формации и начало новой эпохи — эпохи классового общества, ибо, как указывает Ф. Энгельс, «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством»⁴.

М. Ю. Брайчевский

¹ Среди восточнославянских находок известны только три твердо установленных случая находок медных монет в составе кладов: в упоминавшемся уже Оболенском кладе, занимающем среди кладов римских монет, найденных на антских землях, особое место, в Корнинском кладе и в кладе, найденном в Киеве на улице Фрунзе.

Ф. И. Михалевский утверждает, что слабое использование меди в качестве денежного металла в средние века объясняется именно плохой ее сохраняемостью в земле, ибо обычным методом хранения сокровищ в средние века было закапывание в землю (Ф. И. М и х а л е в с к и й, Очерки истории денег и денежного обращения, т. I, 1948).

² Б. Д. Греков считает возможным говорить даже о появлении частной собственности на землю в конце антского периода (VI—VII вв. н. э.). Эта точка зрения представляется вполне вероятной и закономерной (см., например, Б. Д. Г р е к о в, Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке, В. И., 1952, № 5, стр. 33).

³ К. М а р к с, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 136—138.

⁴ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 114.